

Личностные особенности субъектов педагогического процесса в вузе, обуславливающие склонность к экстремистскому поведению

С. А. ФИЛИППОВА, С. В. ПАЗУХИНА, И. Л. ФЕДОТЕНКО

АННОТАЦИЯ

Проблема. Профилактика экстремистского поведения среди субъектов педагогического процесса в вузах является одним из аспектов обеспечения безопасности образовательной среды. Адресная профилактическая работа, на наш взгляд, должна строиться на выявлении личностных особенностей, обуславливающих склонность к экстремистскому поведению, и описании групп риска.

Цель статьи: выявление личностной выраженности и половозрастной специфики проявлений диспозиций насильственного экстремизма у субъектов педагогического процесса вузов (в сторону усиления или ослабления).

Материалы и методы. Теоретико-методологической основой исследования выступает личностно-ориентированный подход. В исследовании приняли участие 253 респондента из российских и белорусских вузов, из них 215 женщин и 38 мужчин. Использовались теоретические методы, эмпирические (тест-опросник на выявление диспозиций насильственного экстремизма Д.Г., Давыдова, К.Д. Хломова) и статистический анализ.

Результаты. В целом субъекты педагогического процесса продемонстрировали благополучную картину по изучаемым показателям: средние показатели проявления диспозиций насильственного экстремизма в выборке находятся в пределах нормативных значений. Средние показатели выраженности признаков насильственного экстремизма у обучающихся юношеского возраста (18-21 год) выше, чем у студентов старше 30 лет и преподавателей. Это означает, что выраженность диспозиций насильственного экстремизма уменьшается с возрастом. Разница между группами молодых студентов (22-30 лет) и взрослых (старше 30 лет) оказалась незначительна. Мужчины демонстрируют более высокую выраженность диспозиций насильственного экстремизма по большинству шкал, особенно по параметрам «культ силы» и «допустимость агрессии». Женщины имеют немного меньшую выраженность практически по всем признакам, за исключением мистичности. Среди общего числа респондентов лишь у небольшой части лиц мужского пола в возрасте 18-21 года обнаружены отклонения от нормативных значений. Для оценки значимости различий равных дисперсий применялся t-критерий Стьюдента, для неравных дисперсий – аналог Welch's t-теста. Статистически значимые различия в процессе попарного сравнения выборок были выявлены для уровня значимости $p < 0,05$.

Выводы. Существует половозрастная специфика проявления диспозиций насильственного экстремизма у субъектов педагогического процесса в вузе: экстремистские установки более свойственны лицам мужского пола в возрасте 18-21 года. Необходим индивидуальный подход к профилактической работе в образовательных учреждениях, учитывая выявленные закономерности возрастного и полового распределения диспозиций. Важно формировать личностные ресурсы – повышать толерантность, критичность мышления, устойчивость к стрессу, конфликтологическую компетентность среди студентов и преподавателей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

субъекты педагогического процесса, личностные особенности, экстремистское поведение, диспозиции насильственного экстремизма, личностные ресурсы

Для цитирования: Филиппова С. А., Пазухина С. В., Федотенко И. Л. Личностные особенности субъектов педагогического процесса в вузе, обуславливающие склонность к экстремистскому поведению // Перспективы науки и образования. 2025. № 6. С. 534–549. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.6.35>

Поступила: 15.06.2025 | Одобрена: 25.08.2025 | Опубликовано: 31.12.2025

Лицензия «С указанием авторства — С сохранением условий». Позволяет перерабатывать, исправлять и развивать произведения при условии указания авторства и лицензирования производных работ на аналогичных условиях.

Personal characteristics of subjects of the pedagogical process in higher education institutions that determine the tendency to extremist behavior

S. A. FILIPPOVA, S. V. PAZUKHINA, I. L. FEDOTENKO

ABSTRACT

Problem. Prevention of extremist behavior among subjects of the pedagogical process in higher education institutions is one of the aspects of ensuring the safety of the educational environment. Targeted preventive work, in our opinion, should be based on identifying personal characteristics that determine the tendency to extremist behavior and describing risk groups.

The purpose of this article is to identify the personal expression and gender-age specific manifestations of violent extremism dispositions among university students (in terms of strengthening or weakening).

Materials and methods. The theoretical and methodological basis of the study is a person-oriented approach. The study involved 253 respondents from Russian and Belarusian universities, including 215 women and 38 men. Theoretical methods, empirical (test questionnaire to identify dispositions of violent extremism D.G. Davydov, K.D. Khlomova) and statistical analysis were used.

Results. In general, the subjects of the pedagogical process demonstrated a favorable picture for the studied indicators: the average indicators of manifestation of dispositions of violent extremism in the sample are within the normative values. The average indicators of the severity of signs of violent extremism in adolescent students (18-21 years old) are higher than in students over 30 years old and teachers. This means that the severity of dispositions of violent extremism decreases with age. The difference between the groups of young students (22-30 years) and adults (over 30 years) was insignificant. Men demonstrated a higher expression of violent extremist dispositions on most scales, especially on the parameters "cult of force" and "acceptability of aggression". Women had slightly lower expression on almost all characteristics, with the exception of mysticism. Among the total number of respondents, only a small proportion of males aged 18-21 years showed deviations from the normative values. The Student's t-test was used to assess the significance of equal variance differences, and the Welch's t-test was used to assess the significance of unequal variance differences. Statistically significant differences were identified using the $p < 0.05$ significance level.

Conclusions. There are gender and age specificities in the manifestation of violent extremism dispositions among subjects of the pedagogical process at a university: extremist attitudes are more typical of males aged 18-21. An individual approach to preventive work in educational institutions is necessary, taking into account the identified patterns of age and gender distribution of dispositions. It is important to form personal resources - to increase tolerance, critical thinking, stress resistance, conflict competence among students and teachers.

KEYWORDS

subjects of the pedagogical process, personal characteristics, extremist behavior, dispositions of violent extremism, personal resources

For Citation: Filippova, S. A., Pazukhina, S. V., & Fedotenko, I. L. (2025). Personal characteristics of subjects of the pedagogical process in higher education institutions that determine the tendency to extremist behavior. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, (6), 534–549. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.6.35>

Received: 15 June 2025 | Approved: 25 August 2025 | Published: 31 December 2025

This is an open access article distributed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike International License (CC-BY-SA 4.0) that allows others to share the work with an acknowledgement of the work's authorship and initial publication in this journal

ВВЕДЕНИЕ

Международные инициативы, связанные с профилактикой насильственного экстремизма, сегодня активно обсуждаются на разных уровнях и отражаются в деятельности международных организаций. В частности, деятельность ЮНЕСКО предполагает оказание поддержки странам, в которых проводятся образовательные программы, нацеленные на развитие устойчивости обучающихся к идеологии насильственного экстремизма и способствующие превенции его причин. Также международные инициативы ООН в образовании предполагают разработку различных методических рекомендаций, ориентированных на педагогическое сообщество, реализация которых приводит к повышению их профессиональной компетентности и в дальнейшем благоприятствует более эффективному обсуждению ими проблем насильственного экстремизма и радикализма с обучающимися. Институт ЮНЕСКО имени Махатмы Ганди по образованию в интересах мира и устойчивого развития (MGIEP) занимается созданием практических рекомендаций для молодых людей, которые проявляют интерес к участию в профилактической деятельности, направленной на противодействие идеологии экстремизма [1].

Профилактика экстремизма у субъектов педагогического процесса в вузе, к которым относятся преподаватели и обучающиеся, является одним из аспектов обеспечения безопасности образовательного процесса и общества в целом. В современном мире происходят процессы (глобализация, цифровизация), возникают явления, несущие потенциальные риски социальному благополучию молодежи, как наиболее чувствительной к идеологическому влиянию социальной группы: формирование жизненных ориентиров и установок студентов в неблагоприятной среде, транслирующей деструктивные ценности, чревато радикализацией и развитием экстремистских настроений, снижающих адаптивные возможности. На становление картины мира, жизненных установок подрастающего поколения влияют не только внешние факторы (СМИ, Интернет), но и сама академическая среда вуза, которая также может стимулировать изменение ценностной иерархии обучающихся в контексте ее радикализации в ситуации доминирования экстремистских идей и взглядов у профессорско-преподавательского состава. В процессе обучения в вузе формируются профессиональные знания и навыки, позволяющие уточнить жизненные и профессиональные ориентиры будущей социальной самореализации студента, в это же время обогащаются и корректируются базовые установки в сфере широкого социального взаимодействия, представления о способах преодоления фрустрирующих и стрессовых ситуаций. Учитывая необходимость обеспечения психологической безопасности, для усвоения такого содержания необходимо проектирование образовательного пространства, транслирующего конструктивные, социально-одобряемые установки, легальные способы адаптации и преодоления новых вызовов и угроз. В последние годы подчеркивается значимость организации воспитательного процесса в учреждениях высшего образования: актуализируется потенциал учебных заведений в вопросах формирования патриотизма, семейных ценностей и пр. В связи с этим актуальной задачей является мониторинг и оценка степени психологической безопасности академической среды учреждений. На значимость такого рода оценок указывают К.А. Идрисов, И.С. Хажуев. В их работе показано наличие взаимосвязи между проявлениями насильственного экстремизма у взрослых и формированием девиантного поведения у обучающихся; наиболее явная корреляция существует между родительскими экстремистскими установками и такими формами поведения подростков, как агрессивность, жесткая интолерантность к чужим мнениям и традициям [2]. Исследования позволяют предполагать наличие влияния установок преподавательского сообщества на установки и поведение студентов в образовательной среде.

Наиболее остро имеющиеся предрасположенности к асоциальному поведению проявляют себя при пограничных состояниях и психических расстройствах, в том числе, расстройствах личности. K. Berluti at all проводят статистический обзор распространенности психопатических черт (жестокость, смелость, импульсивность) на взрослой выборке как фактора риска агрессивного, анти-социального поведения, употребления ПАВ. Исследование показало, что психопатия нормально распределена в выборке и связана с антисоциальностью и преступным поведением [3]. S. Kerr at all исследуют влияние пограничного расстройства личности матерей на родительское поведение во взаимодействии с детьми-подростками, а также на риск развития пограничного расстройства личности у подростков. Они отмечают, что риски развития расстройства у детей непрямо связаны с тяжестью состояния матерей [4]. R. Broekhof at all также указывают на связь между неблагоприятным детским опытом и риском развития психопатологии. В результате проведенного лонгитюдного исследования авторы обнаружили, что насилие, в частности эмоциональное,

оказалось одним из самых сильных предикторов развития пограничного расстройства личности; из подростков, у которых развилось расстройство личности, примерно 90% имели негативный детский опыт в анамнезе [5]. Подобные выводы делают Н. Eisenbarth, С. Garofalo, исследуя на неклинической выборке связи между травматическим детским опытом и агрессией: наличие травматического взаимодействия со взрослыми увеличивает риск развития психопатических черт и сохранения их в течение жизни; тенденция более выражена у мужчин [6]. О. С. Preston at all изучают половые и гендерные факторы проявления психопатий и разных форм агрессии: так, например, выявлена связь между мужественностью, эгоцентричной импульсивностью и физической агрессией; феминность имеет отрицательные связи с агрессией только при условии отсутствия психопатических черт [7].

Конечной задачей проведения мониторингов является оценка рисков и оказание психологической помощи. Проведение превенции, оказание поддержки осложняется ограниченностью ресурсов учебного заведения, что требует выделения конкретных групп риска для индивидуализации, адресности воздействий.

В современных исследованиях широко освещены проблемы оценки рисков, выявления факторов формирования экстремистского поведения, профилактики деструктивных форм адаптации молодежи и пр. Нам близка позиция К.Д. Хломова и его коллег [8], которые подчеркивают, что пиковые проявления нарушений адаптации в виде радикализации и экстремизма отмечаются в сложные для страны периоды (пандемия, санкции, специальная военная операция, экономические трудности и пр.). В работе Н.П. Ничипоренко, И.И. Пацакулы, И.Ш. Галиева проанализирован опыт исследования лиц, совершивших преступления экстремистской и террористической направленности [9]. На основании полученных результатов был спроектирован предположительный возрастной и социальный портрет экстремиста, выделены группы риска (обучающиеся с особыми образовательными потребностями, из неблагополучных, малообеспеченных семей, инофоны, работающие не по профилю студенты / совмещающие учебу и трудовую деятельность и пр.). Ряд авторов указывают на связь между психическим здоровьем и склонностью к экстремизму. Так, S. Kjaervik, N. D. Thomson указывают на связь между проявлениями радикализма и расстройством личности [10]. J. Adam-Troian, J. J. Bélanger указывают, что в основе идеологической одержимости и поддержки политического насилия лежат компульсивные симптомы [11]. Ch. L. Brieman at all в своем исследовании обнаружили связь между склонностью к употреблению психоактивных веществ и психопатией [12].

Многие ученые акцентируют негативное влияние сети Интернет в усилении экстремистских настроений молодых людей, для чего сегодня уже используются нейропсихологические методы оценки социальной агрессии [13]. Вместе с тем, в ситуации неопределенности, стохастичности, этической эклектики сложно говорить о вероятностном прогнозе риска радикализации в подростково-молодежной среде [14]. Отечественными исследователями установлены статистически значимые связи между склонностью к экстремистскому поведению и такими факторами, как пол, возраст, место проживания, состояние здоровья и факультет обучения [15]. Зарубежные ученые – P.J. Helm, M.R. Medrano, J.J. Allen, B.J. Greenber – в качестве факторов риска вовлечения молодежи в радикальные сообщества и развития экстремистских установок называют такие психологические состояния, как экзистенциальная изоляция, одиночество, депрессия и суицидальные мысли [16]. M.A. Hogg [17] в качестве основы радикализации, популизма и авторитарного лидерства рассматривает неуверенность в себе в меняющемся мире; A.N. Harpviken [18] – психологическую уязвимость; N. Haslam [19] – дегуманизацию и отсутствие социальных связей. S. N. Sanchious at all исследуют гендерные различия в проявлении симптомов пограничного расстройства личности: у женщин статистически чаще диагностируют расстройство с более выраженной симптоматикой [20]. Все сказанное указывает на значимость именно психологического изучения личностных особенностей, определяющих склонность молодых людей к экстремистскому поведению, и делает актуальным предлагаемое нами направление профилактики данного негативного социально-психологического явления, связанное с развитием личностных ресурсов у подрастающего поколения – стрессоустойчивости, жизнестойкости, толерантности, критического мышления, конфликтологической компетентности и др.

Полученные нами данные согласуются с результатами О.В. Белуженко и Г.В. Ярошенко [21], в чьей работе отмечается, что у студентов группы риска (с ОВЗ или инвалидностью) значительно чаще фиксируются признаки принадлежности к группе риска по таким показателям, как агрессивность, интолерантность, социальный пессимизм и др. В исследовании С.Е. Борисовой, каса-

ющимся феноменом скулшутинга [22], показаны связи между полом и возрастом, родом занятий и склонностью к экстремистским установкам: юноши чаще демонстрируют националистические и ксенофобские установки, чем девушки; самые низкие показатели экстремизма зафиксированы у школьников, самые высокие – у работающей молодежи. Социально-незащищенные подростки и молодежь находятся в группе риска снижения показателей психологического благополучия, что чревато фрустрацией потребности в безопасности; данное обстоятельство создает предпосылки к формированию дисфункциональных способов адаптации.

В работах И.Б. Бовиной, Б.Г. Бовина, А.Д. Тихоновой [23] и других исследователей показаны факторы и механизмы распространения идеологии. Так, А.А. Саидов указывает на влияние гендерных, семейных и социально-демографических аспектов, а также таких характеристик, как толерантность, этническая идентичность и коммуникативные способности [24]. О.Д. Гурина и А.Ф. Ремеева рассматривают в своей публикации психологические механизмы вовлечения молодых людей в экстремистские и террористические организации в интернет-пространстве на примере социальных сетей [25]. I. González с коллегами приводит доказательства психологической манипуляции в процессе насильственной радикализации [26]. D.L. Weisburd, E.U. Savona, B. Hasisi, F. Springer Calderoni подчеркивают значимость роли внутригрупповых коммуникаций в процессе социальной категоризации и идентификации в ситуации неопределенности [27]. В работах M.F. Wright проанализирована связь агрессивного поведения со СМИ, давлением со стороны родителей и друзей [28].

А.А. Гребенюк, З.А. Рамазанова [29] и другие ученые изучают психологические предикторы насильственного экстремизма. Так, Ю.И. Джембек, А.В. Ефремова, П.А. Моторина отмечают, что значительная часть студентов педвузов находится в группе риска формирования экстремизма, чему способствуют психологическая неустойчивость, неуверенность в собственных силах, низкий уровень социальной удовлетворенности и склонность к избеганию ответственности. Отдельно указывается на феномен комплекса воина – наличие идеи о возможности применения силы для защиты своих интересов и безопасности [30]. Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, А.С. Огнев и др. указывают на связь конформности и протестных установок современной молодежи [31].

Исследования, выполненные в контексте аксиологии, проанализировали доминирующие ценностные ориентации преступников-террористов и выявили их подверженность экстремистской идеологии [32]. Мы согласны с Д.П. Ищенко и Д.К. Григорян, которые установили наличие корреляции между молодежным экстремизмом и феноменом самореализации, манипуляции и достижением власти в социуме [33]. У лиц с выраженной экстремистской и террористической направленностью отмечается преобладание мотивов мести, обиды и стремления к острым ощущениям, что учитывается в обосновании модели радикализации А.С. Эльзессера [34].

В многочисленных психолого-педагогических исследованиях акцентируется значимость профилактики и коррекции радикальных установок. И.Б. Умняшова приводит нормативные основания для осуществления профилактической работы с обучающимися, в том числе по предотвращению у них развития ксенофобии и экстремизма [35]. Е.А. Никитская в своей работе показывает возможности и анализирует опыт применения конфессионально-педагогических технологий взаимодействия с обучающимися для решения задач воспитания патриотизма и профилактики экстремизма [36]. А.В. Мартыненко, Л.А. Потапова акцентируют внимание на ответственности средств массовой информации, повышении юридической грамотности, развитии международного сотрудничества по вопросам противодействия экстремизму [37]. P. Bertelsen и S. Ozer подчеркивают значимость формирования жизненных навыков, морального компаса в преодолении процессов радикализации и профилактики экстремизма [38]. Модели, формы, методы и технологии противодействия проникновению идеологии экстремизма и терроризма в образовательную отражены в исследованиях Т.Ю. Батютиной, В.П. Коняхина, А.В. Петровского [39].

В практикоориентированных исследованиях подчеркивается значение единства диагностики, коррекции и профилактики, целесообразность формирования групп риска и адресность оказания психологической помощи и социальной поддержки.

В нашем исследовании мы предполагаем, что оценка рисков и профилактика радикализации молодежи должна строиться с учетом половозрастных характеристик проявления диспозиций насильственного экстремизма и в студенческой и в преподавательской среде.

Теоретико-методологической основой исследования выступают полисубъектный и личностно-ориентированный подходы, акцентирующие внимание на выявлении индивидуально-выраженных диспозиций насильственного экстремизма, определяющих соответствующие представления, установки. Выделенные нами подходы на формирующем этапе опытно-экспериментальной работы должны стимулировать осознанную субъектную позицию студента и преподавателя, развивать психологический иммунитет к экстремистской идеологии за счет актуализации личностных ресурсов: критического мышления, толерантного сознания, конфликтологической компетентности, жизнестойкости, стрессоустойчивости и др.

Цель работы: выявление личностной выраженности и половозрастной специфики проявлений диспозиций насильственного экстремизма у субъектов педагогического процесса вузов (в сторону усиления или ослабления).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В исследовании приняли участие 253 респондента: студенты и преподаватели ТГПУ им. Л.Н. Толстого (Тула), КГУ им. Циолковского (Калуга), БГУ (Минск). Выборка включала 215 женщин и 38 мужчин в возрасте от 18 до 64 лет.

Для оценки возрастной динамики выборка была разделена на 3 возрастные группы. Группа А - студенты юношеского возраста очной формы обучения в возрасте 18-21 год ($M=19,3$, $SD=1,5$); группа В - студенты заочной формы обучения 22-30 лет ($M=25,8$, $SD=3,4$); группа С - преподаватели от 30-ти лет и старше ($M=42,3$, $SD=8,6$).

Диагностический инструмент: методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма Д.Г. Давыдова, К.Д. Хломова.

Гипотеза исследования: существуют различия в выраженности проявления диспозиций насильственного экстремизма у лиц разных возрастных групп и пола.

Для обработки полученных данных применялся статистический анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты показывают, в целом, благополучную картину: средние значения в выборках находятся в пределах нормы. При этом, во всех трех выборках наблюдаются сходные проявления выраженности показателей по отдельным шкалам:

- во всех возрастных группах самые высокие значения имеют шкалы «культ силы», «конвенциональное принуждение», «интолерантность», «антиинтрацепция»;
- менее выражены во всех трех группах показатели по шкале «допустимость агрессии» (см. табл. 1).

Таблица 1

Статистические показатели выраженности шкал в выборке (N=253)

Шкала	Возрастная группа 18-21 (n=188) Выборка А		Возрастная группа 22-30 (n=32) Выборка В		Возрастная группа 30 лет и старше (n=33) Выборка С		Нормативные значения
	Мед.	Сред.	Мед.	Сред.	Мед.	Сред.	
Культ силы	17	17,0	16	16,3	16	17,0	<23
Допустимость агрессии	11	12,2	11	11,8	11	12,2	<23
Интолерантность	17	16,8	16	15,8	15	14,7	<23
Конвенциональное принуждение	18	17,7	16	17,2	16	14,7	<21
Социальный пессимизм	14	14,5	15	14,4	14	12,7	<23

Мистичность	16	15,5	16	14,9	14	13,6	<23
Деструктивность и цинизм	17	17,0	16	15,9	14	13,7	<23
Протестная активность	16	16,2	16	16,7	15	15,5	<23
Нормативный нигилизм	16	16,7	16	16,3	16	15,2	<23
Антиинтрацепция	18	17,9	18	17,4	17	16,0	<21
Конформизм	14	14,4	14	13,7	14	13,1	<23

В соответствии с интерпретацией опросника, о выраженной склонности к проявлению диспозиций насильственного экстремизма мы говорим, когда повышенные показатели обнаружены по 4-м и более шкалам. Эти данные по трем возрастным группам показаны в табл. 2.

Таблица 2

Данные по респондентам, продемонстрировавшим неблагополучные показатели по тесту (N=253)

Выборки:	Возрастная группа 18-21 (n=188) Выборка А	Возрастная группа 22-30 (n=32) Выборка В	Возрастная группа 30 лет и старше (n=33) Выборка С
Повышенные значения по 4-м и более шкалам, кол-во чел. / %	11 / 5,85%	1 / 3,13%	1 / 3,03%
Объем ответов с значениями выше допустимой нормы (выше 23) в выборках (%)	7,11%	4,55%	5,51%

Мы видим, что в каждой возрастной группе в незначительном количестве присутствуют респонденты с выраженными проявлениями диспозиций насильственного экстремизма; в каждой возрастной группе незначительная часть респондентов демонстрирует показатели выше допустимой нормы по отдельным шкалам.

Далее оценивались проявления диспозиций насильственного экстремизма у лиц разного возраста. Выбор критерия проведения сравнения выборок на значимость различий был осуществлен на основе проверки равенства дисперсий (см. табл. 3).

Таблица 3

Результат оценки равенства дисперсий выборок (N=253)

Сравниваемые дисперсии	Коэффициент	Вывод
Дисперсия А и В	0,205448	Дисперсии равны
Дисперсия В и С	0,524708	Дисперсии равны
Дисперсия А и С	0,036364	Дисперсии не равны
Дисперсия мужской и женской выборок	0,840951	Дисперсии равны

Таким образом, для оценки значимости различий равных дисперсий применялся t-критерий Стьюдента, для неравных дисперсий – аналог Welch's t-теста.

В отношении возрастного параметра выдвигались 2 гипотезы:

- выборки разного возраста различаются в выраженности проявлений диспозиций насильственного экстремизма,
- в выборках более старшего возраста выраженность значений ниже, чем в выборках юношей и молодежи (есть тенденция к возрастному снижению).

Таблица 4

Результаты попарного сравнения выборок на значимость различий (N=253)

Выборки:	Коэффициент значимости различий между выборками		
	Различия А и В (двусторонний, двухпарный с равными отклонениями)	Различия В и С (двусторонний, двухпарный с равными отклонениями)	Различия А и С (двусторонний, двухпарный с неравными отклонениями)
Гипотеза: значения в выборках различаются	0,04496*	0,237212	0,037744*
Выборки:	Различия А и В (односторонний, двухпарный с равными отклонениями)	Различия В и С (односторонний, двухпарный с равными отклонениями)	Различия А и С (односторонний, двухпарный с неравными отклонениями)
Гипотеза: значения в выборке более старшего возраста меньше	0,02248*	0,118606	0,000106*

*статистически значимые различия по t-критерию Стьюдента и аналогу Welch's t-теста.

Как показали результаты статистического анализа, гипотезы частично подтвердились. Отмечаются различия в выраженности показателей проявлений насильственного экстремизма в выборках разного возраста (между юношами и молодыми людьми, между юношами и взрослыми, различия между молодыми людьми и взрослыми отсутствуют). Очевидна возрастная динамика снижения выраженности показателей проявлений насильственного экстремизма: у юношей показатели более высокие, чем у молодых людей и взрослых, различия между молодыми людьми и взрослой выборкой отсутствуют.

Подобный анализ с аналогичными гипотезами был проведен с учетом параметра «пол». Результаты показывают, в целом, благополучную картину: средние значения в выборках находятся в пределах нормы. В обеих выборках самые высокие значения имеют шкалы «культ силы», «конвенциональное принуждение», «антиинтрацепция»; менее выражены по сравнению с другими шкалами в обеих группах показатели по шкалам «социальный пессимизм», «конформизм», «допустимость агрессии» (см. табл. 5).

Наши данные подтвердили полученные ранее психологами результаты, что имеются различия в склонности к различным насильственным установкам у мужчин и женщин: более выраженные значения по шкале «культ силы» и «допустимость агрессии» демонстрируют мужчины, более выраженные значения по шкале «мистичность» проявляются у женщин.

Таблица 5

Статистические показатели выраженности шкал в выборке с учетом параметра «пол» (N=253)

Шкала	Женская выборка (n=215)		Мужская выборка (n=38)		Нормативные значения
	Мед.	Сред.	Мед.	Сред.	
Культ силы	16	16,6	19	18,9	<23
Допустимость агрессии	11	11,6	14	14,8	<23
Интолерантность	16	16,5	16	16,8	<23
Конвенциональное принуждение	17	17,2	18	18,1	<21
Социальный пессимизм	14	14,4	14	14,2	<23
Мистичность	16	15,5	13	14,1	<23
Деструктивность и цинизм	16	16,5	16	16,9	<23
Протестная активность	16	16,1	17	16,9	<23
Нормативный нигилизм	16	16,7	16	15,7	<23
Антиинтрацепция	18	17,9	18	17,2	<21
Конформизм	14	13,9	15	15,6	<23

Таблица 6

Данные по респондентам, продемонстрировавшим неблагоприятные показатели по тесту с учетом параметра «пол» (N=253)

Выборки	Женская выборка (n=215)	Мужская выборка (n=38)
Повышенные значения по 4-м и более шкалам, кол-во чел. / %	10 / 4,65%	3 / 7,89%
Объем ответов с значениями выше допустимой нормы (выше 23) в выборках (%)	6,17%	9,09%

Мы видим, в мужской и женской выборке в незначительном количестве присутствуют респонденты с выраженными проявлениями диспозиций насильственного экстремизма; в мужской и женской выборке незначительная часть респондентов (в мужской выборке) превышает допустимую норму по отдельным шкалам.

В отношении параметра «пол» также выдвигались 2 гипотезы:

- выборки разного пола различаются в выраженности проявлений диспозиций насильственного экстремизма,
- в женской выборке выраженность значений ниже, чем в мужской.

Таблица 7

Результаты сравнения мужской и женской выборок на значимость различий (N=253)

Гипотеза:	Коэффициент значимости различий между выборками мужчин и женщин
Значения в выборках различаются	0,014061*
Значения в женской выборке меньше, чем в мужской	0,007031*

*статистически значимые различия по t-критерию Стьюдента.

Как показали результаты статистического анализа, гипотезы подтвердились: выявлены различия в выраженности показателей проявлений насильственного экстремизма в выборках разного пола; показатели в мужской выборке, в целом, выше, чем показатели в женской. При этом данное утверждение справедливо для всех шкал, кроме шкалы «мистичность»: по этой шкале показатели женской выборки превышают показатели мужской.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Наличие диспозиции к насильственному экстремизму не свидетельствует ни о намерении, ни о готовности осуществлять какие-либо действия. Диспозиция отражает как определенные потребности индивида, так и типичные ситуации их удовлетворения, личный опыт. Диспозиция может свидетельствовать о неспецифической склонности к экстремистскому поведению и в зависимости от ситуации ведет к формированию частных враждебных установок на конкретные объекты.

Полученные в ходе исследования результаты, в целом, показывают достаточно благополучную картину в отношении диспозиций насильственного экстремизма в выборке: средние значения в выборках находятся в пределах нормы. Во всех трех возрастных группах (юность, молодость, зрелость) наблюдаются сходные проявления выраженности показателей по отдельным шкалам: во всех возрастных группах самые высокие значения имеют шкалы «культ силы», «конвенциональное принуждение», «интолерантность», «антиинтрацепции»; менее выражены во всех трех группах показатели по шкале «допустимость агрессии».

Содержательно это говорит о лояльности установок респондентов в отношении силы как средства решения проблем в сочетании с установкой на силовое принуждение к выполнению законов, социальных норм и предписаний. Также высокий ранг имеют установки на неприятие и отрицание права других людей быть иными, отличаться и следовать своим уникальным ценностям, обычаям или взглядам, а также установки антиинтрацепции: сложность восприятия и принятия внутриспсихических явления (чувств, эмоций, индивидуальности). Низкие значения по шкале «допустимость агрессии» на фоне выраженных перечисленных выше шкал, возможно, говорит об отсутствии открытого одобрения агрессивного поведения при наличии скрытой лояльности к таковому в случае применения силы для конвенционального принуждения лиц, чье поведение не соответствует общественным стандартам. Полученные сведения стоит учитывать в разработке содержания профилактической работы.

Нами была выявлена возрастная динамика проявлений диспозиций насильственного экстремизма, проявляющаяся в количественных и качественных показателях: содержательные характеристики диспозиций аналогичны во всех возрастных группах. Выраженность проявления диспозиций насильственного экстремизма снижается с возрастом: проявления насильственного экстремизма у юношей более выражены, чем у молодых людей и взрослых; молодых людей и взрослых можно объединить по этому критерию в одну группу.

Учитывая обнаруженные возрастные аспекты, можно утверждать, что профессорско-преподавательское сообщество, в целом, не является носителем радикальных идей, в большей степени этой характеристикой обладают лица юношеского возраста.

Нами были обнаружены различия в проявлениях диспозиций насильственного экстремизма у мужчин и женщин: в мужской выборке показатели по шкалам выше, чем в женской за исключением шкалы «мистичность», где показатели женской выборки превысили мужские. Мистичность как диспозиция проявляется в склонности объяснять происходящее вокруг через призму таинственных, загадочных, иррациональных или сверхъестественных явлений, в восприятии мира сквозь образы символов, знаков, чисел, образов, ритуалов и мифов, замещающих логические, рациональные объяснения. Риски в данном случае связаны с уклонением от ответственности за собственные решения и действия в женской выборке.

Незначительная часть респондентов (3-7%) демонстрирует неблагоприятные показатели по нескольким шкалам теста, что говорит о выраженной диспозиции насильственного экстремизма. Эта характеристика в большей степени свойственна лицам 18-21 года мужского пола.

Полученные нами данные согласуются с результатами исследований Т.В. Капустиной, изучавшей в составе научного коллектива склонность к экстремизму в контексте личностной социально-психологической дезадаптации. Данным коллективом авторов использовался другой набор диагностических методик, но группа риска среди студентов была описана очень близкими к выявленным нами характеристиками, в частности, отмечено, что "специфика социально-психологической дезадаптации студентов, склонных к экстремизму, определяется следующими индивидуально-психологическими характеристиками: недооценка собственных возможностей, болезненная чувствительность к критике, замкнутость, отчужденность, склонность подвергать других строгой оценке, отказывая им в доверии, низкий порог эмоциональной устойчивости, эмоциональная лабильность, подозрительность и раздражительность, желание действовать в своих интересах, пренебрегая социальными нормами, правилами и стандартами, а также сочетание самомнения и самокритики, сочетание низкой толерантности к фрустрирующим ситуациям с преувеличением своей стрессоустойчивости. У этих студентов наблюдаются признаки депрессивности: подавленность, тревожность, склонность к самобичеванию, погруженность в мрачные переживания" [40, с. 36].

Также результаты нашего исследования можно сопоставить с данными, представленными в статье Ю.И. Джембек, П.А. Моториной и А.В. Ефремовой [41], которые изучали особенности проявления психологических предикторов экстремизма у студентов педвуза. Авторы выявили, что большинство респондентов имели среднюю выраженность предикторов экстремизма. Однако в их исследовании они всех обучающихся отнесли к группе риска в плане вероятности развития у них склонности к экстремистской деятельности, что, на наш взгляд, может затруднить поиск эффективных форм профилактической работы. Здесь все-таки нужна адресность и дифференциация, основанная на учете индивидуальных особенностей и личностных ресурсов, на что мы делаем акцент в своей работе.

Полученные нами данные были учтены при выстраивании индивидуализированной и адресной профилактической работы в рамках психологической службы вуза: было осуществлено информирование студентов о возможности получения психологической помощи, несколько приглашенных студентов воспользовались возможностью получить консультацию. Содержание проведенных беседы подтверждает диагностическую ценность опросника: приглашенные студенты озвучивали дисфункциональные установки, отражающие восприятие мира как небезопасного и несправедливого, людей как враждебных, присутствовал комплекс воина, макиавеллизм; во всех случаях отсутствовали признаки психопатологии и выраженные антигуманные установки, в основе высказываемых идей лежали благие намерения, для достижения которых допустимым считалось использование силы и других социально неприемлемых средств. В подобных случаях коррекционная работа строится на расширении и достраивании представлений о мире, людях, расширении поведенческого репертуара в достижении жизненных целей, принятии ответственности за свою жизнь и решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование было направлено на выявление личностной выраженности и половозрастной специфики проявлений диспозиций насильственного экстремизма у субъектов педагогического процесса вузов (в сторону усиления или ослабления). Полученные нами результаты оказались близки опытно-экспериментальным данным исследований, ранее выполненных отечественными и зарубежными учеными.

На основе полученных данных были выделены группы риска, уточнен их состав: обучающиеся особыми образовательными потребностями (студенты с ОВЗ, инвалидностью, инофоны), с нарушенными социальными связями, работающие не по профилю студенты / совмещающие учебу и трудовую деятельность и пр., конкретизированы их социально-психологические особенности. В целом по вузам картина достаточно благополучная не вызывает особой тревоги.

Во всех трех возрастных группах самые высокие значения были зафиксированы по шкалам «культ силы», «конвенциональное принуждение», «интолерантность», «антиинтрацепция»; менее выражены показатели по шкале «допустимость агрессии». Выявлены различия в склонности к различным насильственным установкам у мужчин и женщин: более выраженные значения по шкале «культ силы» и «допустимость агрессии» демонстрируют мужчины, более выраженные значения по шкале «мистичность» проявляются у женщин.

Очевидна возрастная динамика снижения выраженности показателей проявлений насильственного экстремизма: у юношей показатели более высокие, чем у молодых людей и взрослых, различия между молодыми людьми и взрослой выборкой отсутствуют.

Полученные нами результаты составят основу содержания специализированной программы превенции экстремизма, ориентированной на развитие личностных ресурсов у изучаемых групп субъектов педагогического процесса в вузах: толерантности, стрессоустойчивости, критического мышления, конфликтологической компетентности, жизнестойкости, формирование адекватных механизмов саморегуляции студентов и преподавателей, на развитие психологического иммунитета к экстремистской идеологии.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) по соглашению № 073-00065-25-01 от 18.03.2025 года, заключенному с Минпросвещения России [The study was conducted as part of the state assignment for the provision of public services (performance of work) under agreement No. 073-00065-25-01 dated March 18, 2025, concluded with the Ministry of Education of Russia].

ЛИТЕРАТУРА

1. What you need to know about preventing violent extremism through education // UNESCO. World Heritage Committee 2025 . Article dated February 10, 2023. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/what-you-need-know-about-preventing-violent-extremism-through-education> (accessed 10 July 2025)
2. Идрисов К.А., Хажуев И.С. Мотивационно-потребностные аспекты личности, вовлеченной в террористическую деятельность // Экспериментальная психология. 2023. Том 16. № 4. С. 104-115. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160407>
3. Berluti K., Ploe M. L., Doherty H., Jones D. N., Patrick Ch. J., Marsh A. A. Prevalence and Correlates of Psychopathy in the General Population // Journal of Personality Disorders. 2025. Vol. 39(1). <https://doi.org/10.1521/pedi.2025.39.1.1>
4. Kerr S., Cervantes B. R., Stepp S., Sharp C. Maternal Borderline Personality Disorder Severity and Parenting Behaviors During Conflict Discussions With Adolescent Offspring // Journal of Personality Disorders. 2024. Vol. 38(3). <https://doi.org/10.1521/pedi.2024.38.3.284>
5. Broekhof R., Nordahl H. M., Ulltveit-Moe Eikenæs I., Selvik S. G. Adverse Childhood Experiences Are Associated With Personality Disorder: A Prospective, Longitudinal Study // Journal of Personality Disorder. 2024. Vol. 38(1). <https://doi.org/10.1521/pedi.2024.38.1.19>
6. Eisenbarth H., Garofalo C. The Role of Psychopathic Traits in Explaining Associations Between Childhood Traumatic Experiences and Aggression // Journal of Personality Disorders. 2021. Vol. 35 (C). https://doi.org/10.1521/pedi_2021_35_507
7. Preston O. C., Watts A. L., Anestis J. C., Lilienfeld S. O. Psychopathic Traits' Differential Relations With Aggression Forms: Considering the Roles of Gender and Gender Role Adherence // Journal of Social and Clinical Psychology. 2018. Vol. 37(8). <https://doi.org/10.1521/jscp.2018.37.8.628>
8. Хломов К.Д., Бочавер А.А., Фоменко М.С., Селиванова Е.И., Шемшурин А.А. Агрессия и автономия в подростковом возрасте // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 3. С. 117-128. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270309>
9. Ничипоренко Н.П., Пацакула И.И., Галиев И.Ш. От диагностики личности к диагностике паттерна: опыт исследования лиц, совершивших преступления террористической направленности // Психология и право. 2025. №15(1). С. 16–28. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150102>
10. Kjaervik S. L., Thomson N. D. Exploring the Nexus: Personality Disorders and Their Impact on Violent Extremism, Radicalism, and Activism // Journal of Personality Disorders. 2024. Vol. 38(4). <https://doi.org/10.1521/pedi.2024.38.4.350>
11. Adam-Troian J., Bélanger J. J. "Consumed by creed": Obsessive-compulsive symptoms underpin ideological obsession and support for political violence // Aggressive Behavior. 2024. Vol. 50(1), e22124. <https://doi.org/10.1002/ab.22124>
12. Brieman Ch. L., McGarrigle W. J., Cope L. M., Kiehl K. A., Kosson D. S. Clarifying Relations Between Core Features of Psychopathy and Substance (Mis)use: A Replication and Extension in Two Large Independent Samples // Journal of Personality Disorders. 2024. Vol. 38(2). <https://doi.org/10.1521/pedi.2024.38.2.138>
13. Шипкова К.М. Нейропсихологические методы оценки социальной агрессии в современных зарубежных исследованиях // Психология и право. 2025. №15(1). С. 3-15. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150101>
14. Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: потенциал социально-психологического знания // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207-223. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120215>
15. Ярошенко Г.В., Белуженко О.В., Иванова Л.Л. Полиаспектное исследование диспозиций насильственного экстремизма у студентов-первокурсников гуманитарного вуза // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. №4. С. 225-232. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-4-225-232>
16. Helm P.J., Medrano M.R., Allen J.J. B., Greenber, J. Existential isolation, loneliness, depression, and suicide ideation in young adults // Journal of Social and Clinical Psychology. 2020. Vol. 39(8). P. 641-674. <https://doi.org/10.1521/jscp.2020.39.8.641>
17. Hogg M.A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership // European Review of Social Psychology. 2021. Vol. 32(2). P. 235-268. <https://doi.org/10.1080/10463283.2020.1827628>
18. Harpviken A.N. Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review // Adolescent Research Review. 2020. Vol. 5. <https://doi.org/10.1007/s40894-019-00108>
19. Haslam N. Dehumanization and the lack of social connection // Current Opinion in Psychology. 2022. Vol. 43. P. 312-316. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2021.08.013>
20. Sanchious S. N., Zimmerman M., Khoo Sh. Recognizing Borderline Personality Disorder in Men: Gender Differences in BPD Symptom Presentation // Journal of Personality Disorders. 2024. Vol. 38(2). <https://doi.org/10.1521/pedi.2024.38.2.195>

21. Ярошенко Г.В., Белуженко О.В. Сравнительный анализ склонности к экстремизму студентов-первокурсников гуманитарного вуза с инвалидностью и без ограничений по здоровью // Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика: Сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции, Ялта, 20–22 мая 2021 года. Симферополь: Ариал, 2021. С. 233–237.
22. Борисова С.Е. Феномен скулшутинга и его толкование в контексте юридико-психологического знания и ассоциативных смыслов будущих следователей // Психология и право. 2024. Том 14. №2. С. 172–184. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140213>
23. Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Тихонова А.Д. Радикализация: социально-психологический взгляд // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 120–142. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100309>
24. Саидов А.А. Социально-психологические факторы, обуславливающие склонность молодежи к насильственному экстремизму // Высшее образование сегодня. 2023. №2. С. 90–99. <https://doi.org/10.18137/ZRNU.NET.23.02.R090>
25. Гурина О.Д., Ремеева А.Ф. Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей) // Психология и право. 2024. Том 14. №3. С. 1–12. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140301>
26. González I., Moyano M., Lobato R.M., Trujillo H.M. Evidence of Psychological Manipulation in the Process of Violent Radicalization: An Investigation of the 17-A Cell // *Frontiers in Psychiatry*. 2022. Vol. 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2022.789051>
27. Understanding Recruitment to Organized Crime and Terrorism / Eds. by Weisburd D.L., Savona E.U., Hasisi B., Calderoni F. Springer, 2020. 346 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-36639-1>
28. Wright M.F. Popularity and social preference pressure from parents, friends, and the media: linkages to aggressive and prosocial behaviors // *Youth & Society*. 2020. Vol. 52. № 3. P. 332–348. <https://doi.org/10.1177/0044118X18773222>
29. Рамазанова З.А., Гребенюк А.А. Психологические особенности личности как фактор противодействия экстремизму в студенческой среде // *Обществознание и социальная психология*. 2022. № 6 (36). С. 79–83.
30. Джембек Ю.И., Моторина П.А., Ефремова А.В. Психологические предикторы экстремизма и особенности их проявления у студентов педагогического вуза // *Проблемы современного педагогического образования*. 2022. №74-4. С. 273–275.
31. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Огнев А.С., Парма Р.В. Взаимосвязь конформного поведения и протестных установок современной молодежи // *Человеческий капитал*. 2021. № 10 (154). С. 95–101. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.10.13>
32. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ценностные ориентации преступников-террористов // *Психология и право*. 2022. Т. 12. № 2. С. 99–110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120208>
33. Ищенко Д.П., Григорян Д.К. Молодежный экстремизм как способ самореализации в обществе и достижения власти // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2021. № 2 (129). С. 139–143.
34. Эльзессер А.С. Построение модели радикализации и ее эмпирическая проверка // *Психология и право*. 2024. Т. 14. № 1. С. 89–106. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140106>
35. Умняшова И.Б. Нормативные основания профилактики различных видов девиантного поведения детей и подростков в системе общего образования // *Психология и право*. 2022. Т. 12. № 1. С. 133–146. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120111>
36. Никитская Е.А. Использование конфессионально-педагогических форм работы с несовершеннолетними в воспитании патриотизма и профилактике экстремизма // *Психология и право*. 2021. Т. 11. № 1. С. 150–162. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110112>
37. Профилактика экстремизма в молодежной среде: учебник для вузов / Под общ. ред. А. В. Мартыненко, Л. А. Потаповой. Москва: Юрайт. 2025. 297 с.
38. Ozer S., Bertelsen P. The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: Examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2020. Vol. 61(5). pp. 642–651. <https://doi.org/10.1111/sjop.12636>
39. Коняхин В.П., Петровский А.В., Батютина Т.Ю. Предупреждение экстремизма в молодежной среде: поиск оптимальной модели // *Общество: политика, экономика, право*. 2021. № 10 (99). С. 36–41. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.10.5>
40. Эльзессер А.С., Капустина Т.В., Кадыров Р.В. Склонность к экстремизму в контексте социально-психологической дезадаптации личности // *Психологический журнал*. 2023. Т. 44. № 3. С. 36–48. <https://doi.org/10.31857/S020595920026155-6>
41. Джембек Ю.И., Моторина П.А., Ефремова А.В. Психологические предикторы экстремизма и особенности их проявления у студентов педагогического вуза // *Проблемы современного педагогического образования*. 2022. № 74-4. С. 273–275.

REFERENCES

1. What you need to know about preventing violent extremism through education. UNESCO. World Heritage Committee 2025. Article dated February 10, 2023. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/what-you-need-know-about-preventing-violent-extremism-through-education> (accessed 10 July 2025)
2. Idrisov K.A., Khazhiev I.S. Motivational and need aspects of the personality involved in terrorist activities. *Experimental Psychology*, 2023, vol. 16, no. 4, pp. 104–115. DOI: 10.17759/exppsy.2023160407
3. Berluti K., Ploe M. L., Doherty H., Jones D. N., Patrick Ch. J., Marsh A. A. Prevalence and Correlates of Psychopathy in the General Population. *Journal of Personality Disorders*, 2025, vol. 39(1). <https://doi.org/10.1521/pedi.2025.39.1.1>
4. Kerr S., Cervantes B. R., Stepp S., Sharp C. Maternal Borderline Personality Disorder Severity and Parenting Behaviors During Conflict Discussions With Adolescent Offspring. *Journal of Personality Disorders*, 2024, vol. 38(3). <https://doi.org/10.1521/pedi.2024.38.3.284>
5. Broekhof R., Nordahl H. M., Ulltveit-Moe Eikenæs I., Selvik S. G. Adverse Childhood Experiences Are Associated With Personality Disorders: A Prospective, Longitudinal Study. *Journal of Personality Disorders*, 2024, vol. 38(1). <https://doi.org/10.1521/pedi.2024.38.1.19>
6. Eisenbarth H., Garofalo C. The Role of Psychopathic Traits in Explaining Associations Between Childhood Traumatic Experiences and Aggression. *Journal of Personality Disorders*, 2021, vol. 35 (C). https://doi.org/10.1521/pedi_2021_35_507
7. Preston O. C., Watts A. L., Anestis J. C., Lilienfeld S. O. Psychopathic Traits' Differential Relations With Aggression Forms: Considering the Roles of Gender and Gender Role Adherence. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 2018, vol. 37(8). <https://doi.org/10.1521/jscp.2018.37.8.628>
8. Khlomov K.D., Bocharov A.A., Fomenko M.S., Selivanova E.I., Shemshurin A.A. Aggression and Autonomy in Adolescence. *Psychological Science and Education*, 2022, vol. 27, no. 3, pp. 117–128. DOI: 10.17759/pse.2022270309
9. Nichiporenko N.P., Patsakula I.I., Galiev I.Sh. From personality diagnostics to pattern diagnostics: experience of studying individuals who committed terrorist crimes. *Psychology and Law*, 2025, no. 15(1), pp. 16–28. DOI: 10.17759/psylaw.2025150102
10. Kjaervik S. L., Thomson N. D. Exploring the Nexus: Personality Disorders and Their Impact on Violent Extremism, Radicalism, and Activism. *Journal of Personality Disorders*, 2024, vol. 38(4). <https://doi.org/10.1521/pedi.2024.38.4.350>
11. Adam-Troian J., Bélanger J. J. "Consumed by creed": Obsessive-compulsive symptoms underpin ideological obsession and support for political violence. *Aggressive Behavior*, 2024, vol. 50(1), e22124. <https://doi.org/10.1002/ab.22124>
12. Brieman Ch. L., McGarrigle W. J., Cope L. M., Kiehl K. A., Kosson D. S. Clarifying Relations Between Core Features of Psychopathy and Substance (Mis)use: A Replication and Extension in Two Large Independent Samples. *Journal of Personality Disorders*, 2024, vol. 38(2). <https://doi.org/10.1521/pedi.2024.38.2.138>
13. Shipkova K.M. Neuropsychological methods for assessing social aggression in modern foreign studies. *Psychology and Law*, 2025, no. 15(1), pp. 3–15. DOI: 10.17759/psylaw.2025150101
14. Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B. Assessing the risk of radicalization in the adolescent and youth environment: the potential of socio-psychological knowledge. *Psychology and Law*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 207–223. DOI: 10.17759/psylaw.2022120215
15. Yaroshenko G.V., Beluzhenko O.V., Ivanova L.L. Multi-aspect study of the dispositions of violent extremism among first-year students of a humanitarian university. *State and municipal administration. Scientific notes*, 2020, no. 4, pp. 225–232. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-4-225-232
16. Helm P.J., Medrano M.R., Allen J.J. B., Greenber, J. Existential isolation, loneliness, depression, and suicide ideation in young adults. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 2020, vol. 39(8), pp. 641–674. DOI: 10.1521/jscp.2020.39.8.641
17. Hogg M.A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership. *European Review of Social Psychology*, 2021, vol. 32(2), pp. 235–268. DOI: 10.1080/10463283.2020.1827628
18. Harpviken A.N. Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review. *Adolescent Research Review*, 2020, vol. 5. DOI: 10.1007/s40894-019-00108
19. Haslam N. Dehumanization and the lack of social connection. *Current Opinion in Psychology*, 2022, vol. 43, pp. 312–316. DOI: 10.1016/j.copsyc.2021.08.013
20. Sanchious S. N., Zimmerman M., Khoo Sh. Recognizing Borderline Personality Disorder in Men: Gender Differences in BPD Symptom Presentation. *Journal of Personality Disorders*, 2024, vol. 38(2). <https://doi.org/10.1521/pedi.2024.38.2.195>

21. Yaroshenko G.V., Beluzhenko O.V. Comparative analysis of the propensity for extremism of first-year students of a humanitarian university with and without disabilities. *Social and pedagogical support for persons with disabilities: theory and practice: Collection of articles based on the materials of the V International Scientific and Practical Conference, Yalta, May 20-22, 2021*. Simferopol, Arial, 2021, pp. 233-237.
22. Borisova S.E. The phenomenon of school shooting and its interpretation in the context of legal and psychological knowledge and associative meanings of future investigators. *Psychology and Law*, 2024, vol. 14, no. 2, pp. 172-184. DOI: 10.17759/psylaw.2024140213
23. Bovina I.B., Bovin B.G., Tikhonova A.D. Radicalization: a socio-psychological view. *Psychology and Law*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 120-142. DOI: 10.17759/psylaw.2020100309
24. Saidov A.A. Socio-psychological factors that determine the tendency of young people to violent extremism. *Higher education today*, 2023, no. 2, pp. 90-99. DOI: 10.18137ZRNU.HET.23.02.R090
25. Gurina O.D., Remeeva A.F. Psychological mechanisms of involving young people in extremist and terrorist organizations (on the example of social networks). *Psychology and Law*, 2024, vol. 14, no. 3, pp. 1-12. DOI: 10.17759/psylaw.2024140301
26. González I., Moyano M., Lobato R.M., Trujillo H.M. Evidence of Psychological Manipulation in the Process of Violent Radicalization: An Investigation of the 17-A Cell. *Frontiers in Psychiatry*, 2022, vol. 13. DOI: 10.3389/fpsyt.2022.789051
27. Understanding Recruitment to Organized Crime and Terrorism. Eds. by Weisburd D.L., Savona E.U., Hasisi B., Calderoni F. Springer, 2020. 346 p. DOI: 10.1007/978-3-030-36639-1 (In English).
28. Wright M.F. Popularity and social preference pressure from parents, friends, and the media: linkages to aggressive and prosocial behaviors. *Youth & Society*, 2020, vol. 52, no. 3, pp. 332-348. DOI: 10.1177/0044118X18773222
29. Ramazanova Z.A., Grebenyuk A.A. Psychological characteristics of personality as a factor in counteracting extremism among students. *Social Science and Social Psychology*, 2022, no. 6(36), pp. 79-83.
30. Dzhenbek Yu.I., Motorina P.A., Efremova A.V. Psychological predictors of extremism and features of their manifestation among students of a pedagogical university. *Problems of modern pedagogical education*, 2022, no. 74-4, pp. 273-275.
31. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Ognev A.S., Parma R.V. The relationship between conformist behavior and protest attitudes of modern youth. *Human capital*, 2021, no. 10(154), pp. 95-101. DOI: 10.25629/HC.2021.10.13
32. Kroz M.V., Ratinova N.A. Value orientations of terrorist criminals. *Psychology and Law*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 99-110. DOI: 10.17759/psylaw.2022120208
33. Ishchenko D.P., Grigoryan D.K. Youth Extremism as a Way of Self-Realization in Society and Achieving Power. *Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management*, 2021, no. 2(129), pp. 139-143.
34. Elzesser A.S. Construction of a Radicalization Model and Its Empirical Testing. *Psychology and Law*, 2024, vol. 14, no. 1, pp. 89-106. DOI: 10.17759/psylaw.2024140106
35. Umnashova I.B. Normative Foundations for the Prevention of Various Types of Deviant Behavior in Children and Adolescents in the General Education System. *Psychology and Law*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 133-146. DOI: 10.17759/psylaw.2022120111
36. Nikitskaya E.A. The use of confessional and pedagogical forms of work with minors in the education of patriotism and the prevention of extremism. *Psychology and Law*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 150-162. DOI: 10.17759/psylaw.2021110112
37. Prevention of extremism among youth: a textbook for universities. Under the general editorship of A.V. Martynenko, L.A. Potapova. Moscow, Yurait Publ., 2025. 297 p. (in Russ.)
38. Ozer S., Bertelsen P. The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: Examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2020, vol. 61(5), pp. 642-651. DOI: 10.1111/sjop.12636
39. Konyakhin V.P., Petrovsky A.V., Batyutina T.Yu. Prevention of extremism among young people: search for an optimal model. *Society: politics, economics, law*, 2021, no. 10(99), pp. 36-41. DOI: 10.24158/pep.2021.10.5
40. Elzesser A.S., Kapustina T.V., Kadyrov R.V. Propensity to Extremism in the Context of Social and Psychological Personality Maladjustment. *Psychological Journal*, 2023, vol. 44, no. 3, pp. 36-48. DOI: 10.31857/S020595920026155-6
41. Dzhenbek Yu.I., Motorina P.A., Efremova A.V. Psychological Predictors of Extremism and Features of Their Manifestation among Students of a Pedagogical University. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 2022, no. 74-4, pp. 273-275.

Авторы**Филиппова Светлана Анатольевна**

(Российская Федерация, г. Тула)

Доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

E-mail: filippovasa@tolstovsky.ru

ORCID ID: 0000-0003-2245-3599

Scopus Author ID: 57204580020

Пазухина Светлана Вячеславовна

(Российская Федерация, г. Тула)

Доцент, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

E-mail: svetlana.pazukhina@tolstovsky.ru

ORCID ID: 0000-0003-3190-3520

Scopus Author ID: 36155058500

Федотенко Инна Леонидовна

(Российская Федерация, г. Тула)

Профессор, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

E-mail: fedotenkoil@tolstovsky.ru

ORCID ID: 0000-0003-1160-6334

Scopus Author ID: 8450839800

Authors**Svetlana A. Filippova**

(Russian Federation, Tula)

Associate Professor, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

E-mail: filippovasa@tolstovsky.ru

ORCID ID: 0000-0003-2245-3599

Scopus Author ID: 57204580020

Svetlana V. Pazukhina

(Russian Federation, Tula)

Associate Professor, Dr. Sci. (Psychology), Head of the Department of Psychology and Pedagogy Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

E-mail: svetlana.pazukhina@tolstovsky.ru

ORCID ID: 0000-0003-3190-3520

Scopus Author ID: 36155058500

Inna L. Fedotenko

(Russian Federation, Tula)

Professor, Dr. Sci. (Educ.), Professor of the Department of Psychology and Pedagogy

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

E-mail: fedotenkoil@tolstovsky.ru

ORCID ID: 0000-0003-1160-6334

Scopus Author ID: 8450839800

Вклад авторов**Филиппова С. А.:** концептуализация, администрирование данных, проведение исследования, формальный анализ, создание черновика рукописи, визуализация**Пазухина С. В.:** концептуализация, методология, руководство исследованием, проведение исследования, создание рукописи и её редактирование**Федотенко И. Л.:** методология, создание рукописи и её редактирование**Author's contribution****Svetlana A. Filippova:** Conceptualization, Formal analysis, Investigation, Data Curation, Writing - Original Draft, Visualization**Svetlana V. Pazukhina:** Conceptualization, Methodology, Investigation, Writing - Review & Editing, Supervision**Inna L. Fedotenko:** Methodology, Writing - Review & Editing

© Филиппова С. А., Пазухина С. В., Федотенко И. Л., 2025

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

© Svetlana A. Filippova, Svetlana V. Pazukhina, Inna L. Fedotenko, 2025

The author's declared no conflicts of interest